

Глава 6

Дикий бодхисаттва

Лес Шитавана.

После жестокой битвы лавина сошла с гор, сломав тысячи деревьев. Бесчисленные чёрные стволы, похожие на руки мертвецов, торчали из-под снега, стелая на ветру.

В глубине леса, занесённый снегом, стоял полуразрушенный алый Храм Брачных Уз.

Скрип!

Се Хуньи толкнул дверь и вошёл внутрь. Его плащ ещё развевался на ветру, неся с собой ледяное дыхание бури.

Внутри храм был украшен красным и золотым, повсюду царил атмосфера праздника.

Свадебные атрибуты были свалены у стены, храня следы недавнего торжества.

За алтарём, в нише, виднелась статуя. От неё, словно паутина, тянулись бесчисленные красные нити, опутывая глиняную куклу в наряде невесты.

Стоило Се Хуньи подойти к алтарю, как ниша затряслась. Всё в храме пришло в движение, словно началось землетрясение. Столы и стулья падали, и ледяной ветер рвал его одежду.

Бах!

Красные нити натянулись.

Голова куклы дёрнулась вперёд и с глухим стуком упала к его ногам. Хлынула кровь, и красные нити, словно перерезанные сосуды, мгновенно обесцветились.

— Супруги... супруги... Прошло полмесяца, а у меня всего пятьдесят три новые пары!

Голос, донёсшийся из ниши, был соткан из множества детских голосов — и мальчиков, и девочек — слившихся в один нестройный, оглушительный хор.

— Ты разбудил меня, так почему до сих пор не принёс кровавую жертву!

Се Хунъи поставил голову куклы на место.

— Это ты в моих руках.

Существо в нише взревело, и в тот же миг шесть длинных, покрытых чёрной шерстью рук проломили стенки и потянулись к Се Хунъи. Руки были опутаны красными нитями, и от них исходил странный, холодный красный туман.

Туман заполнил храм, и в нём открылись бесчисленные кроваво-красные глаза. Все они с жадностью уставились на Се Хунъи.

Раздались стоны наслаждения, и на пол дождём посыпались клубки червей и жаб, которые тут же начали бешено совокупляться.

Се Хунъи оставался недвижим. Синий рукав соскользнул до локтя, обнажив сияющий серебряный браслет. Он схватил его левой рукой и слегка повернул!

В тот же миг ужасающая мощь, подобная свету меча, рассекла красный туман. Шесть рук содрогнулись и с шипением втянулись обратно в нишу.

За одно мгновение в храме воцарилась тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием существа в нише.

— Жалкие останки полубессмертного... и ты смеешь мне угрожать...

— Бодхисаттва Внимающий Небесной Радости, ты больше не бодхисаттва, — с насмешкой произнёс Се Хунъи.

Эти слова задели существо за живое. Из ниши донёсся скрежет ногтей.

Очень шумно.

Се Хунъи нахмурился и легонько коснулся серебряного браслета.

Знакомый холод проник в кожу, но не смог унять его раздражение.

Кольцо из кости, рождающей ветер, было выковано из останков его наставника. Оно содержало в себе огромную силу духа ветра. Однажды оно было сломано, и после перековки стало слабее, но чтобы сдерживать ослабевшего бодхисаттву, его было достаточно.

Два серебряных браслета тяжело сжимали его предплечья.

Ненависть, сожаление, тоска, боль, бессилие... Оковы прошлого. Каждый их поворот лишь усиливал ярость в его сердце.

Слабый запах крови.

Он коснулся щеки. Во время битвы ледяное лезвие оставило небольшой порез.

Он давно не получал ран. Его тело было очень хрупким, и кровотечение было трудно остановить.

Кровь и боль будоражили его и без того неустойчивый разум. К тому же, недавнее вмешательство Обителя Сихэ вывело его из себя.

А этот призрачный бодхисаттва всё не унимался. Он схватил курильницу и швырнул её в нишу.

— Заткнись.

На этот раз бодхисаттва не впал в ярость, а лишь странно рассмеялся.

— Ты пришёл ко мне, потому что твой разум снова на грани, да?

— В тот день... ты пришёл ночью, в метель, с обломком зонта, ни человек, ни призрак, и назвался моим подношением. Оказалось, ты практиковал злые искусства, убивал последователей Сюэлянь и сошёл с ума!

— Если бы не я, ты бы давно стал безумцем. Это ты нуждался во мне, ты умолял меня принять в дар супружеские пары...

Из ниши снова показалась рука. На этот раз это была настоящая рука бодхисаттвы. Она отодвинула капюшон Се Хунъи и коснулась его щеки. Прикосновение было холодным и гладким, без малейшего тепла, словно фарфор.

Гость, пришедший той снежной ночью, выглядел в сто раз хуже. Сломанный зонт прикрывал половину тела, чёрные волосы развевались на ветру, изо рта вырывались клубы пара с осколками льда, а у ног лежала одинокая тень, истекающая кровью.

А взгляд из-под спутанных волос...

Словно треснувшее холодное зеркало, в котором отражался и свет, и тьма. Неистовая одержимость, вырвавшаяся наружу. Даже его, мёртвую статую, это заставило содрогнуться.

Он знал, что Се Хунъи поможет ему вернуть былое величие.

Такое хорошее подношение... жаль, слишком непослушное!

На лице Се Хунъи промелькнула слабая насмешливая улыбка.

— А ты в тот день был лишь безрукой и безногой фарфоровой свахой. Двадцать лет тебе никто не поклонялся, а на алтаре лежал лишь замёрзший гнилой персик. Ты стал божеством, занимающим пустующий престол.

Он схватил руку бодхисаттвы и сжал. Фарфор треснул, и рука снова превратилась в покрытую чёрной шерстью клешню.

Бодхисаттва взревел от ярости, но тут же услышал:

— Свадебная процессия в городе продолжится. Будут тебе супружеские пары.

— Слишком мало... этого недостаточно... мне нужна кровь! Открой ворота, замани в город всех в радиусе ста ли! Когда я полностью восстановлюсь, ты станешь моим королём-мудрецом!

— Ненасытный. Следи за своими мелкими бесами, — сказал Се Хунъи.

Как только начнётся свадебная церемония, сила божества многократно возрастет, и он, будучи подношением, не сможет ему противостать.

Он прижал руку к глиняной кукле, приставив её голову на место, и, сложив пальцы в печать, высвободил свою тень. Она окутала куклу алым светом, соткав из себя багряное шёлковое одеяние.

Он практиковал Технику Переплавки Тени уже двадцать лет. Тень была не только ядром его силы, но и частью его души.

Вырывать её из себя было равносильно тому, как если бы он вытягивал из тела самые чувствительные нервы, опустошая себя до последней капли жизненной силы, оставляя лишь плоть, более хрупкую, чем у смертного.

Боль была такой острой, словно невидимый нож одним движением рассёк его позвоночник надвое. Он судорожно согнулся, упираясь локтем в алтарь. Холодный пот ручьём стекал по шее.

Но он не собирался останавливаться.

Он действительно был готов на всё ради силы, но это не означало, что он хотел стать безвольной марионеткой в руках злого искусства.

Чтобы прервать обратный удар техники и разорвать связь между формой и тенью, это был единственный выход.

Сделка с дьяволом? Что ж, он давно ходил по лезвию ножа. И ему было не привыкать терпеть.

Неизвестно, сколько времени прошло. В храме стих даже вой ветра, слышно было лишь его прерывистое дыхание.

Пять пальцев на алтаре внезапно сжались.

Он открыл глаза и, взмахнув рукой, разорвал теневые нити. На столе сидела тень, поправляя рукава. Красный свадебный наряд и платок развевались, словно от ветра.

— Используя такие методы, ты лишь оттягиваешь неизбежное. Сколько ты ещё продержишься? — со смехом произнёс бодхисаттва. — То, что у тебя на сердце, слишком тяжело. Лучше служи мне всем сердцем, и я избавлю тебя от всех страданий!

Се Хунъи не обратил на него внимания и лишь приказал кукле:

— Иди!

Тень в наряде невесты несколько раз облетела его и с воем вылетела из храма. Свадебные атрибуты, сваленные в углу, ожили, раскрыли зонты, подняли знамёна, и, усыпая путь золотой фольгой и цветными лентами, последовали за тенью.

Благоприятный час ещё не настал, и Се Хунъи, как жених, не мог войти в город. Он остался в храме и, закрыв глаза, погрузился в медитацию.

С уходом тени безумие в его сознании утихло, и на его лице впервые за долгое время появилось умиротворение.

Но кожа на тыльной стороне ладони всё ещё мелко подрагивала от боли.

Красный след уже исчез, и это была не столько рана, сколько наваждение.

Мерзость.

Стоило его мыслям прийти в смятение, как из ниши вырвались две красные нити и потянулись

к нему, но, не успев коснуться, были отброшены сиянием Кольца из кости, рождающей ветер.

— Чего ты боишься? Я лишь предскажу тебе одну пагубную связь, — с досадой произнёс бодхисаттва, но его глаза, скрытые в глубине ниши, злорадно сузились. — Простое гадание на брак, неужели ты боишься взглянуть?

Красная нить метнулась и бросила к ногам Се Хунъи зеркало-луань.

В зеркале вспыхнул красный свет, и в тот миг, когда взгляд Се Хунъи скользнул по его поверхности, в нём отразилось бушующее море огня!

Даже глядя в зеркало, Се Хунъи чувствовал жар, словно языки пламени лизали его кожу, вызывая тошноту. Его взгляд мгновенно стал ледяным.

Переплетённые чёрные цепи, толщиной с лапу зверя, тянулись со всех сторон к беседке в центре огненного моря, плотно опутывая её колонны.

Беседка, предназначенная для любования пейзажем, в этих оковах превратилась в железную клетку.

Грохот! Звон!

Раздался резкий скрежет, словно что-то с яростью дёргало цепи.

Чёрные оковы на мгновение разошлись, и из них показалась рука. Серебряный браслет соскользнул на предплечье. Бледное запястье было покрыто застывшим воском и искусано до крови, что придавало ему странную, извращённую притягательность.

В нервной дрожи капля пота, наконец, сорвалась с кончиков пальцев и блеснула, как эмаль!

Как он мог не узнать свою руку?

Жар снаружи делал это сопротивление тщетным.

Ещё одна рука разорвала цепи. Толстые оковы в этих пальцах казались лёгкими, как колокольчики.

Это была рука взрослого мужчины, с твёрдыми, как литая сталь, костяшками и вздувшимися венами. Она схватила его руку, сжала, поглотила, расплавил.

— Обожёгся.

Голос, прозвучавший, казалось, у самого уха, был полон подавляемой ярости и от этого звучал пугающе.

— Почему ты не плачешь, Ваше Высочество?

Бах!

Услышав этот голос, Се Хунъи разбил зеркало о пол и резко вскочил. Его взгляд был более чем ледяным!

Неудивительно, что он сегодня был не в себе, чувствовал приближение беды, и всё шло наперекосяк.

— Так это он?

Голос бодхисаттвы превратился в девичий визг.

— Ха-ха-ха, так вот какая у тебя судьба! Гадание на брак с помощью зеркала-луань никогда не ошибается, я с нетерпением жду... а-а-а-а!

Полный рот пепла, который вонзился ему в грудь ветряной стрелой, заставил его замолчать.

Длинные тёмные брови Се Хунъи слегка дрогнули.

Зная характер этого призрачного бодхисаттвы, он не верил, что у этого гадания нет способа противодействия.

Но зная упрямство того человека...

Кто захочет, чтобы за ним гналась бешеная собака?

Он бессознательно повернул серебряный браслет. В его сиянии его окутала невидимая аура, не позволяющая смотреть на него прямо.

Останки его наставника, достигшего единения с Дао, обладали силой запретного имени.

Тот, кто видел его, видел образ божества и не мог даже помыслить о том, чтобы разглядеть его истинное лицо. Он использовал это, чтобы скрывать свою внешность, что было очень удобно.

Через мгновение его губы сжались в прямую линию, и он вырвался из плена ярости.

— Собрался.

Тем временем снаружи храма донёлся частый стук копыт, подобный раскатам грома.

Он взмахнул рукой, и двери храма распахнулись. Отряд высоких, могучих воинов в чёрных доспехах проскакал через Лес Шитавана и остановился в сотне шагов от храма.

Словно невидимый клинок отсёк их движение, все воины остановились как один, и даже лошади замерли в одно мгновение, не издав ни единого лишнего звука.

— Градоначальник!

Снова земля содрогнулась, и порыв ветра сломал часть деревьев. Гигантский зверь размером с небольшую гору спрыгнул вниз. Его тело было серебристо-белым, с едва уловимым холодным лазурным оттенком. Он опустил голову, и его огромные, похожие на фонари, лазурные глаза уставились на Се Хуньи.

— Лазурный снег.

Се Хуньи погладил его по носу, смахнув налипший снег. Зверь выдохнул клуб пара и опустил голову ещё ниже, поторапливая его.

— Пойдём. Зачистите эту область от следов Сюэлянь. Встретите ледяных духовных зверей — убивайте, забирайте кости, — произнёс Се Хуньи и, взмахнув рукой, легко взлетел на спину Лазурного снежного ни. Вспомнив что-то, он добавил ледяным тоном: — И на Стеле запрета огня добавьте ещё пятьдесят запретов.

— Есть!

<http://bllate.org/book/16978/1581691>